

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ВЛАДИМИРА ГРАБАРЯ

О. БУТКЕВИЧ

*доктор юридических наук,
доцент кафедры международного права
(Институт международных отношений
Киевского национального университета
имени Тараса Шевченко)*

В отечественной науке международного права XX в. видное место принадлежит академику Национальной академии наук Украины В. Грабарю¹. Одной из особенностей его научной деятельности является воплощение в международно-правовой науке первой половины XX в. (и при исследовании ее актуальных вопросов) классических (традиционных для академической науки XIX в.) методов исследования и подходов к проблемам теории. Это дало основание называть В. Грабаря «связующим звеном между русской дореволюционной и советской наукой международного права» [1, 5; 2, 19]. Одним из следствий такого подхода академика стало уделение особого внимания раскрытию исторических аспектов международного права (именно в классической позитивистской науке международного права второй половины XIX в. стали понимать недостаточность исследования истории этого права и необходимость обращения к аспектам происхождения, становления и исторического развития элементов международного права при исследовании их сущности и установлении особенностей).

Наибольших успехов в исследовании истории международного права достигла немецкая школа XIX в. На это оказала влияние историческая школа права, которая сформировалась именно в этой стране в XIX в. в произведениях Г. Гуго, К. Савиньи, Г. Пухты и др. Влияние этой школы на развитие истории международного права стало возможным благодаря ее основополагающей идее — анализу правовых явлений путем исследования их исторического становления. По мнению В. Грабаря, основное место в этой когорте принадлежит Г. Мартенсу: «В международном праве историко-позитивное направление получило всеоб-

¹ В. Грабарь был избран действительным членом Всеукраинской академии наук в 1926 г. Однако согласно Уставу Академии от 14 июня 1921 г., «действительные члены Академии утверждаются Наркомпросом» (п. 4, раздел V). Вследствие неприятия идеологии ученого коллегия Народного комиссариата образования так и не утвердила его академиком (после изменения Устава Академии В. Грабарь был включен в перечень ее членов по факту избрания). Тогдашний руководитель Наркомата просвещения Н. Скрипник в журнале «Знамя марксизма» писал о В. Грабаре как о «реакционере, который проводил москвофильскую политику в Галичине». Очевидно, вследствие указанных преследований В. Грабарь так и не согласился на предложение академика Н. Василенко переехать на постоянную работу в Киев.

щее признание и стало господствующим в XIX в., благодаря, главным образом, трудам Мартенса; вот почему в нем видят не только выдающегося представителя, но даже родоначальника новой литературы международного права» [3, 690]. Именно под влиянием идей немецких позитивистов-международников XIX в. (в частности К. Бергбома, А. Бульмеринга и др.) развивалась тартуская школа международного права, представителем и выразителем которой был В. Грабарь.

Впрочем, если его предшественники лишь утверждали о необходимости изучения исторических аспектов международного права (уделяли определенное внимание историческому развитию этого права, заполнению пробелов в исследовании его науки), то В. Грабарь пошел дальше. Во-первых, для него история международного права не сводилась лишь к написанию обзора развития этой правовой системы. Чтобы дать представление о сущности того или иного явления международного права, для В. Грабаря было необходимо установить механизм его появления, факторы, повлиявшие на него, специфику дальнейшего развития. Во-вторых, сама история этого права для В. Грабаря была иной, чем в понимании его предшественников — немецких позитивистов. Для последних международным правом является лишь то, что формируется в так называемой «вестфальской системе» (фактически в ней они и видели его начало), все то, что существовало ранее, для классической позитивистской науки является, в лучшем случае, предправом, зачатками международного права, но отнюдь не правом в полном смысле. О том, что В. Грабарь придерживался совершенно противоположных взглядов, свидетельствует его работа «Первоначальное значение римского термина *jus gentium*» [4; 5, 476–508], созданная для того, чтобы через раскрытие механизма и закономерностей происхождения международного права проанализировать сущность этой системы. В противовес классическому на тот период подходу (что международное право возникает во второй половине средних веков), В. Грабарь доказывает не только его появление в межплеменном общении римских общин, но аргументировано показывает его первичность по времени возникновения относительно права внутреннего (это позднее ляжет в основу аргументации о примате международного права).

Все наследие академика В. Грабаря по истории международного права и истории его науки составляет около 200 работ¹. Изучая историю международного права, он доказывает недостаточность предыдущих исследований этого вопроса. Этим он объяснял и ошибки в изучении современного международного права. Большинство вопросов, к которым обращался автор, он пытался рассматривать в исторической перспективе, пользуясь исторической методологией и рассматривая сущность того или иного международно-правового института с точки зрения его возникновения, становления и развития².

¹ В наиболее полном библиографическом обзоре трудов В. Грабаря автор У. Батлер их насчитывает 188 [6].

² Среди исследований В. Грабаря — первый в своем роде труд по истории речного права («О международных реках», 1888 г.), «Положение иностранцев у древних евреев» (кандидатская работа автора), первая работа по истории воздушного права «История воздушного права», 1927 г., а также: «Руководство по международному праву», 1892 г., где рассматривается его история, «Война и международное право» (Ученые записки Юрьевского университета, 1893 г., № 4), где анализируется правовое становление понятия войны, в том числе справедливой, а также изучение истории науки международного права — «*De legistorum jure*», Юрьев, 1918 г., «Наука международного права в Англии до реформации», 1917 г., «Понятие естественного права и международного права в английской литературе XII–XVII веков»; «Питання державного і міжнародного права в коментарях Джона Мера до Сентенцій Петра Ломбарда» (Записки Украинской Академии Наук, 1927 г., (V–VI), «Роль Гуго Гроция в научном развитии международного права», 1925 г., Beitrag zur Geschichte der staatswissenschaftlichen Literatur im Zeitalter des Hugo Groot, Jurjew, 1897; Esquisse d'une histoire litteraire du droit international au moyen age du IV au XIII siecle, «Revue du droit international», 1936, vol. XVIII, XIX,

Исследователи творчества В. Грабаря выделяют такие направления его исследований:

- 1) история международного права XIX–XX вв.;
- 2) история международного права и его науки в средние века;
- 3) анализ международно-правовой практики СССР;
- 4) история науки международного права (в частности в России) [1, 8].

Правда, профессор У. Батлер насчитывает девять категорий международно-правовых исследований В. Грабаря (в соответствии с периодом работы ученого). Помимо исследования истории международного права в средние века и древности, он выделяет энциклопедические статьи В. Грабаря, его биографические исследования, обзоры литературы (рецензии), труды (статьи и книги), посвященные отдельным аспектам теории международного права, и в отдельную категорию выделяет переведенный и переработанный В. Грабарем классический на тот период учебник по международному праву Ф. Листа. Последний является одним из наиболее весомых трудов В. Грабаря, за который автор получил благодарность и признание своей позиции самим немецким автором. Недаром эта работа после обработки В. Грабарем получила в научном сообществе неофициальное название «Учебник Грабаря — Листа». Одной из наиболее интересных является глава этого учебника, посвященная истории международного права, в которой В. Грабарь представляет собственное видение становления и развития этого права, согласно своей концепции его происхождения и исторических особенностей.

В целом и в соответствии с научными трудами В. Грабаря можно определить такие направления его научного интереса:

- 1) работы по общей теории международного права;
- 2) работы по актуальным проблемам международного права, в том числе его практическим аспектам конца XIX — начала XX в., а также актуальным вопросам формирования новых институтов и отраслей этого права;
- 3) история формирования и развития международного права (в практическом измерении, т. е. механизм зарождения и особенности исторического становления отдельных институтов, принципов и отраслей — здесь В. Грабаря интересовали прежде всего вопросы права войны);
- 4) история международно-правовой мысли.

Последний аспект можно разделить на исследования собственно истории международно-правовых взглядов (о которых речь пойдет ниже) и истории науки этого права. Так, В. Грабарю принадлежит основательный труд в области истории международно-правовой литературы, международно-правовой библиографии — жанре теории международного права, который зародился и был популярным в XIX в. (и даже в начале XX в.), но, к сожалению, не утвердился в международно-правовой науке — «Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)» [7]. Первой работой по этому предмету можно назвать публикацию немецкого юриста Д. Омштедта «Литература всего

L'Époque de Bartole (1314–1358) dans l'histoire du droit international, Paris, 1900, «Вопросы международного права в юридических консультациях Балда», Петроград, 1917 г. и др. На историческом методе исследования построены и статьи В. Грабаря о теории и практике международного права в словаре Брокгауза и Ефрона, а именно «Береговое море», «Блокада», «Военная контрабанда», «Война», «Война и международное право», «Военный нейтралитет», «Гаагские конференции», «Договор международный», «Женевская конвенция», «Завоевание», «Кодификация международного права», «Конгрессы и конференции», «Консулы», «Контрибуция», «Нейтралитет», «Ратификация», «Репрессалии» и др.

как естественного, так и позитивного международного права» 1785 г., хотя ее в международно-правовой литературе принято рассматривать как наиболее раннюю работу по истории этого права. На взгляды Д. Омптеды опирались ученые XIX в.: А. Бульмеринг, К. Неволин, А. Горовцев, В. Даневский и др. Впрочем, его труд остался почти неизвестным для науки XX в. (опять же, за исключением изучения взглядов Д. Омптеды академиком В. Грабарем и известным английским исследователем международно-правовой истории А. Нуссбаумом, который и назвал Д. Омптеду первым историком международного права). Можно признать, что большинство работ по истории международного права, которые выходили на протяжении XIX в., были скорее исследованиями его литературы или национальных школ. Классическое представление о таком подходе содержалось в опубликованном в 1855 г. трехтомном издании «История и литература наук о государстве» Р. Моля [8]. Неудивительно, что такая методология исследования позволила в тот период выделиться и утвердиться жанру международно-правовой библиографии.

Известные труды по истории литературы становились не только ее обзором, а существенным вкладом в теорию этого права [7; 9]. Сегодня можно указать лишь на единичные подобные обзоры, большинству из которых недостает аналитического характера [10, 75–142]. Труд В. Грабаря вполне соответствовал жанру, который зарождался, и, по мнению его исследователей, «хотя В. Грабарь назвал свое всеобщее панорамное обозрение развития науки международного права в России “материалами” для истории русской литературы международного права, его книге присущи в действительности все качества аналитического, научного и библиографического произведения» [11]. Помимо собственно обозрения работ, исходивших из того или иного аспекта международного права, автор излагает свое видение его особенностей, преимущества и недостатки соответствующего произведения.

Из приведенных категорий, представляющих для В. Грабаря широкий научный интерес, следует выделить его работы по теории международного права. Такие работы можно разделить на работы по общей теории и отдельным международно-правовым отраслям.

Стоит отметить у В. Грабаря обостренное научное чутье актуального в этой сфере. Для сегодняшней (в том числе отечественной) науки международного права характерно выведение чуть ли не каждого института этого права до уровня отрасли. Это прежде всего касается новых институтов международного морского, воздушного, космического права, права международной безопасности, охраны окружающей среды или иных, порожденных научно-техническим прогрессом или развитием информатизации. Западные ученые часто называют это следствием процесса фрагментации международного права, который распространяет свое действие на новые сферы общественных отношений. Впрочем, часто причиной здесь является традиционная для международно-правовой науки сложность в определении критериев построения его института и отрасли и их разграничении: «Неспособность выявить критерии построения системы международного права стала причиной отставания науки международного права от практики развития этой системы права. Ситуация оказалась настолько запутанной, что часто авторы говорили о критериях построения системы международного права, а имели в виду критерии построения отрасли международного права и наоборот. Но такие же выводы сделаны и в отношении критериев обра-

зования институтов международного права. ...Наибольшими отрицательными результатами неопределенности критериев образования отраслей международного права оказались формулирование неограниченного количества отраслей и путаница между отраслями и институтами международного права. Практически нет ни одной отрасли международного права, которую кто-либо из ученых не ограничивал бы уровнем института» [12, 149, 150].

Увы, этого недостатка не были лишены и известные ученые в области международного права (здесь можно вспомнить выделение в системе международного права «Международного процессуального права и войны» и «Шпионажа» А. Геффером, деление его системы на вещи, права и лица, или включение в его систему «Международного административного права» и др., а также опубликованный в 1928 г. труд выдающегося украинского исследователя международного права В. Корецкого «Международное радиоправо» [13, 123–142]). Годом ранее В. Корецкий В. Грабарь публикует исследование другой новейшей на то время отрасли международного права, но более точно анализирует тенденции ее развития — «История воздушного права» [14].

Большой интерес представляет анализ В. Грабарем общетеоретических вопросов международного права, в частности принципа равенства, роли государственного суверенитета и вопросов международной правосубъектности в целом. В начале XX в. В. Грабарь публикует ряд работ, посвященных пересмотру традиционных подходов к понятиям, связанным с институтом международной правосубъектности: «Начало равенства государств в современном международном праве» (1912), «Современный кризис принципа равенства» (1914) и др. В них автор раскрывает неожиданный для эпохи универсализации международного права аспект отсутствия фактического равенства между государствами и даже ее нецелесообразности: «За последние три века в истории международного права прочно утвердился взгляд, согласно которому независимые государства юридически признаются равными. Это начало равенства государств стало той основой, на которой строилось новое международное право, своего рода догматом этого нового права. Еретические мысли, изредка раздававшиеся в литературе последнего времени в пользу признания начала неравенства государств, сплошь заглушались общим хором, утверждавшим общепризнанное начало равенства. Странным диссонансом в этом хоре прозвучало выраженное в наши дни, продиктованное самой жизнью требование, чтобы государства не только фактически, но и юридически признавались неравными. Вызвано оно было различием интересов крупных и мелких государств, ставшим очевидным в последнее время. ...Одно несомненно: межгосударственный порядок переживает в наше время острый кризис. Мы стоим на распутье. Государства очевидно сворачивают со старого пути неорганизованного строя и направляются по новому пути, который еще только прокладывается, пути более устойчивой международной организации. Вместе с этим переживает кризис начало равенства государств, на которое опирался старый порядок, и в новом строе можно ожидать все большего отхода от этого начала в пользу признания начала юридического неравенства» [15, 1, 20]. При этом сам В. Грабарь рассматривает неравенство не как принцип подчинения, иерархии, властвования в международном праве, а лишь выводит условность и критику общепризнанного этактического утверждения о государственном суверенитете как основополагающем принципе международного общения. Его идеей было создание такого международного правопо-

рядка, при котором бы, с одной стороны, не замалчивалось фактическое неравенство государств (существование государств более и менее влиятельных), а с другой — установился между ними баланс интересов.

Представляется достаточно сомнительным принцип населения, положенный В. Грабарем в основу такого правопорядка на смену принципу суверенного равенства государств и «государственного фетишизма». Впрочем, даже и дискуссионный подход автора обнаруживает ощущение перемен, которые наступали в начале прошлого века в межгосударственном праве, и кризиса его вестфальской системы: «Межгосударственная организация рано или поздно должна установиться. Но она может быть устойчивой и рассчитывать на стабильность только в том случае, если в ее основу вместо фиктивного равенства государств будет положено реальное равенство в виде равного участия равных групп населения. ...Если освободиться от культа государственного фетишизма и не поклоняться кумиру в форме государства, как живой сущности, то станет совсем понятно, что населению России или Великобритании не может быть отдан голос равный тому, каким владеет население Люксембурга, Коста-Рики или Панамы. ...Переход от фиктивного равенства к реальному настойчиво требует жизнь. Мы уже видели, что стабильная межгосударственная организация невозможна при сохранении начала равенства абстрактных единиц — государств» [15, 43].

Стоит отметить, что вопрос о критике государственно-правового подхода и принципа суверенного равенства государств, как основы международного правопорядка, рядом ученых начала XX в. затрагивается снова в современной науке в связи с исследованием проблемы государственного суверенитета в международном праве XXI в.: «В течение первых десятилетий двадцатого века и особенно в межвоенный период международное право переживало фундаментальную трансформацию. ...Старая классическая правовая мысль — основанная на принципе абсолютного суверенитета, стандарте цивилизации и юридическом позитивизме — дала дорогу новой правовой чувствительности, которая критиковала абсолютный суверенитет, отстаивала интерес международного общества и поддерживала антиформалистические правовые доктрины» [16, 8].

Именно изучая кризис преувеличенно этатического, государственного подхода к международному праву, В. Грабарь видит его переход в тот период к новому этапу, установление нового международного правопорядка с множественностью его субъектов. И увидеть такой динамичный характер международного права как системы, способной изменяться и приспосабливаться к новым условиям, В. Грабарю помог его опыт как историка права. «Юристы, — считал он, — имеют особую склонность к подобной близорукости и нередко оказываются в положении, когда они перестают понимать явления, происходящие вокруг них. Вспомним, с каким рвением отстаивали юристы XIV в. формулу всемирной монархии императоров в то время, когда она уже фактически перестала существовать и на ее обломках образовались и развились новые независимые от империи государства. Юрист и историк смотрят и видят по-разному. Юристу приверженность к старым отжившим формулам можно простить. В силу своего положения, он привык и должен подгонять жизненные явления в усвоенные и признанные юридические рамки и формулы. Но не так должен поступать историк и созерцатель современной ему общественной жизни. Он должен улавливать в общем потоке жизни все те течения, которые могут, развившись,

мало-помалу дать и самому потоку новое направление» [15, 33]. В этом проявилось несколько парадоксальное отступление В. Грабаря как представителя классической позитивистской школы международного права (ведь, как справедливо утверждает исследователь его творчества, «становление В. Э. Грабаря как ученого происходило преимущественно под влиянием идей позитивистской школы международного права, которая превалировала в Тартуском университете, где он работал около 25 лет» [17, 122]), от основных принципов позитивизма — государственнической основы этого права и его возникновения в период европейского Средневековья.

Другие исследования В. Грабаря, посвященные современным ему проблемам, также обнаруживают свою актуальность: «Вопрос о проливах на Лозаннской конференции» (1923), «Правовая структура современных торговых договоров» (1923), «Вопрос о подсудности иностранного государства в новейшей юридической литературе Италии» (1927), «Торговый арбитраж в международных договорах» (1926), «Уголовная ответственность преступников войны» (в соавторстве с А. Трайниным, 1945 г.) — стоит говорить об актуальности этого вопроса не только в постнюрнбергской науке международного права, но и для его современной теории и практики; «Из истории систематики международного права» (1965) — о проблемности исследования системы, систематизации и структуры международного права уже говорилось, а данная статья является чуть ли не единственным в Советском Союзе исследованием научных систематизаций международного права, анализом их особенностей, специфических черт и недостатков, в целом этот труд можно частично отнести (в частности, по методу анализа) к исследованию В. Грабарем истории международно-правовых взглядов [6; 17, 87–121].

Особую научную ценность эти работы представляют вследствие владения их автором умением (к сожалению, почти потерянным в современной науке) удачно выбирать метод исследования соответствующей международно-правовой проблемы и сочетать различные методы анализа.

Впрочем, особый интерес для В. Грабаря составлял предмет истории международно-правовой мысли. Следует отдельно отметить вклад В. Грабаря в исследование этого вопроса, поскольку сама история международно-правовых учений является сравнительно молодой отраслью общей теории этого права, фактически только начинается.

Вследствие отсутствия отдельной отрасли науки — истории международно-правовых учений (сегодня можно назвать лишь несколько работ, непосредственно посвященных этому предмету [18–21]), исследователи, обращавшиеся к ней, вынуждены были пользоваться наработками других отраслей знаний. Следовательно, к истории международно-правовых взглядов подходили, заимствуя научный потенциал философии или истории философии, политико-правовых учений, учений о государстве и праве, международных отношений и т. д. Внимание авторов сосредоточивалось на перечне ученых, их биографических данных, научных позициях, а не на системном анализе истории международно-правовой науки. Очевидно, при таком подходе терялись или чисто международные аспекты этого предмета, или его юридическая сущность. По мнению М. Коскениемми, «традиционные труды по международному праву рассматривали предмет с точки зрения значительных эпохальных трансформаций, войн, систем норм, работ и биографий выдающихся юристов. Не было попытки

изучать международное право с позиций социологии международной системы» [22]. Впрочем, здесь представляется дискуссионным употребление термина «социология», поскольку автор подразумевает сугубо международно-правовой подход, т. е. комплексный анализ истории этого права с учетом закономерностей развития международной системы и права.

Упомянутый уже труд «Первоначальное значение римского термина *jus gentium*» можно назвать концепцией В. Грабаря касательно периода, механизма и закономерностей возникновения международного права. Хотя он скорее посвящен сугубо историческому (материальному, прикладному) вопросу — определению времени и факторов возникновения этого права — он также в чем-то является примером анализа истории международно-правовой мысли. Ведь работа разделена на две части — анализ взглядов античных мыслителей, средневековых и современных ученых относительно времени возникновения международного права и сущности *jus gentium* и собственно изложение авторской концепции.

Анализируя международно-правовые взгляды ученых на сущность *jus gentium*, В. Грабарь пришел к выводу, что отрицание его международно-правового характера является идеей XVII—XIX вв. (Ф. Лоран, Ф. Мартенс, Г. Бонфис, П. Фошиль, М. Таубе и др.), и ее причина кроется в подходе к предыдущим историческим эпохам международного права с современных исследователям позиций. Взгляды ученых, которые отвергали толкование *jus gentium* как международного права, основывались на двух позициях:

1) отрицание возможности существования международного права в древний период;

2) отождествление права народов Рима с *jus fetiale*, а не с *jus gentium* (которое рассматривалось ими как гражданское или международное частное право). Более ранние исследователи этого права (А. Джентили, Г. Гроций, Р. Зеч) были убеждены, что именно *jus gentium* и было международным публичным правом [4, 7].

Опираясь на детальный анализ всех указанных взглядов, В. Грабарь выдвигает собственное видение международно-правовой сущности *jus gentium*.

Относительно концепции происхождения международного права В. Грабаря, то она выглядит так: «Следует прежде всего избавиться от предвзятого мнения о том, что в древности не существовало международного права. ...Международное право в том его значении, в котором термин этот применяется в наше время, римлянам было известно. Зарождение его следует искать в межродовых отношениях доклассового общества; название *jus gentium* оно получило именно в тот период. Изначально существовало одно только межродовое и межплеменное «право» (*jus gentium* или просто *jus*). С образованием римской государственной общины оно раздвоилось, распавшись на международное право, сохранившее свое первоначальное наименование *jus gentium*, и на внутреннее — *jus Quiritium*, позже *jus civile*» [4, 7, 38].

К периоду Римской империи В. Грабарь относит не международно-правовую мысль как таковую, а лишь предпосылки ее формирования, или отдельные зачатки (что выглядит довольно странно, учитывая его идею о раннем догосударственном происхождении этого права, а следовательно и длительном периоде существования международного права «на практике» до Римской империи, а также то, что в ней доктрина играла роль источника права, что наталкивает на

мысль о более раннем происхождении первых идей о закономерностях международных отношений и права, которое их регулирует). По его мнению, «отправной точкой для изучения вопроса о влиянии римского права и его толкователей на образование и развитие международно-правовых учений могут служить составленные в VI в. по велению императора Юстиниана правовые сборники, которые впоследствии получили название «*Corpus Juris Civilis*», под которым они известны до сих пор. Толкование этих сборников дало средневековым юристам повод выразить свои взгляды на отношения между народами, взгляды, которые затем, с выделением международного права в самостоятельную отрасль правоведения, были восприняты последней и стали общими правовыми теориями. ...Отрывки международно-правовых норм, сохранившиеся в *Corpus Juris Civilis*, составляют первое звено, связующее эти сборники с новоевропейской литературой международного права» [23, 1, 3].

Таким образом, можно проследить периодизацию развития международно-правовой мысли на протяжении истории по В. Грабарю (хотя такой цели автор перед собой не ставил, его видение этапов становления такой мысли можно вывести из его произведений):

1) первые зачатки, отдельные мысли о нормах международного права в произведениях римских юристов, ставшие предпосылкой формирования международно-правовых учений в будущем;

2) переходный этап, или такой, который не лежит в прямой линии развития римско-правовых взглядов, их рецепции в Средневековье; это этап не заимствования или развития, а сохранения таких взглядов христианскими мыслителями IV–XIII вв. («в эпоху варварства, наступившую после падения римского государства, одна только церковь, как преемница последнего, поддерживала и оберегала его культурное достояние. Ей, главным образом, мы обязаны тем, что римское право не погибло вместе с римским государством, а продолжало действовать и применяться и после того, как власть, которая его создала, перестала существовать. Римская церковь, вступив на место римского государства, усвоила для себя и его право. Католическое духовенство смотрело на Рим как на свою родину, а римское право было для него родным правом. Поскольку каждое племя в раннюю пору средневековья жило по своему родному, племенному праву, то и церковь с духовенством, составлявшие своего рода особое римское племя, продолжали руководствоваться своим старым правом — римским. ...Последнее было единой правовой системой, в которой определялось положение в государстве церкви и духовенства; системы варварского права этого не касались. ...Космополитический характер римского права вполне соответствовал анациональной миссии христианской церкви: единого права, как единого богослужебного языка и церковных обрядов, служивших одной и той же цели» [23, 12–13]);

3) развитие идей римских юристов в международно-правовой мысли глоссаторов и постглоссаторов (XI–XIV вв.);

4) формирование национальных школ международного права (XVI–XVII вв.).

Заняться изучением истории международно-правовой мысли в средние века В. Грабаря вынудило отсутствие исследований этой проблематики, как он писал, «на протяжении полутора веков после первой попытки написания истории литературы по международному праву барона Омптеды» [24, 7].

В. Грабарь отказался от традиционного взгляда на появление теории международного права, начиная от работ «отцов» этого права конца XVI — начала XVII в., в частности Г. Гроция и его книги «О праве войны и мира». Украинский философ права П. Юркевич считал, что «год издания этой книги (1624) можно считать началом философии права как отдельной науки» [25, 164]. По мнению же В. Грабаря, «основоположником науки международного права был не Гроций, а предшественник Гроция, итальянский юрист Джентили, сбежавший от преследований Римского Папы и поселившийся в Англии» [26, 200]. В этом он солидарен с А. Ривье и Э. Нисом, которые также свидетельствовали, что существовало большое количество авторов по международному праву в Средневековье и позднее вплоть до публикации труда Г. Гроция [24, 7]. Однако, в отличие от упомянутых ученых, В. Грабарь берется за более тщательный анализ международно-правовых взглядов этих мыслителей.

В работе «Очерк истории литературы по международному праву в средних веках с IV по XIII в.» В. Грабарь разделяет историю международного права этого периода в зависимости от развития взглядов на него. В целом, будучи сторонником появления международного права в древний (племенной) период, В. Грабарь датирует появление современного международного права в средневековый период в довольно раннее время: «Первые зачатки современного международного права можно увидеть уже в эпоху переселения народов» [24, 16]. В отличие от большинства своих современников, которые датируют появление международного права или начало его современного периода XVII в., автор определяет его IV в. Отталкиваясь от такого датирования появления современного международного права, автор переходит к анализу его теории.

Период с IV по XIII в. автор разделяет на три этапа:

- *I этап (переходный) IV—VIII вв.* (деятельность пап Леона I и (440—461) и Григория I (590—604), Св. Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного, И. Севильского (570—632)) — начало науки международного права;
- *II этап (VIII — вторая половина XII в.)* — отношения между папской и светской властями и их влияние на формирование науки и идей международного права;
- *III этап (конец XI в. — конец XIII в.)* — продолжение борьбы между империей Оттона Великого и папством, Декрет Грациана, деятельность декретистов, Ф. Аквинский, схоластическая литература, их влияние на развитие международно-правовых идей.

Эта периодизация скорее касается исторических изменений в понимании и толковании международного права, а не его практики. Таким образом, ее можно назвать первой периодизацией (хотя и в рамках одного исторического этапа) истории международно-правовых учений.

Международно-правовые взгляды Средневековья сформировались под влиянием античного наследия, в котором В. Грабарь выделяет три главные составляющие: Библия, Ветхий и Новый Заветы; произведения философов, историков и поэтов классической античности и римское право. Влияние библейских положений проявилось прежде всего посредством их комментариев святого Абмруаза и Августина Блаженного и сводилось, прежде всего, к понятиям «право международных договоров» и «право войны» — обязательность договорных положений, незыблемость договоров, правила ведения войны, право-

мерность и последствия ее с неправовыми, правила послевоенного урегулирования [24, 8–9].

Среди античных философов В. Грабарь выделял Платона и Аристотеля (правда, «влияние последнего начало ощущаться, начиная с XIII в.» [24, 9]), стоиков, мнения которых имели наибольшее влияние на средневековую правовую доктрину. Так, идея, высказанная Платоном и подхваченная Аристотелем о войне как крайнем средстве (ведение войны целесообразно лишь в интересах мира), по мнению В. Грабаря, сформировала всю средневековую доктрину справедливой войны, получив развитие в трудах Августина Блаженного и Фомы Аквинского. У этих же античных философов он находит и зарождение мысли о «разделении международного права на право мира и право войны» [24, 9]. Идея же стоиков, которые представляли весь мир как единое большое государство, а право, которое в нем существует, как право природы, не могла быть проигнорирована средневековыми деятелями церкви в их противоборстве со светской властью. Другим влиянием стоицизма была его идея (воспринятая христианами церковниками) о том, что «война порождает жадность» [24, 14]. Доктрина Цицерона упала на почву средневековой правовой мысли прежде всего в области права войны, в частности требований к справедливой войне. Одним из первых его идею запрета негуманного ведения войны, аргументацию правомерности войны как таковой, доктрину справедливой войны воспринял раннехристианский теолог и мыслитель Лактанций, позиция которого пригодится разработчикам средневековой христианской концепции справедливой войны и правомерности войны с неправовыми (самого Лактанция В. Грабарь относил к переходному раннему этапу представления европейской правовой мысли).

Заслуживает внимания наблюдение В. Грабаря о том, что отношение к войне как средству разрешения международных споров прошло последовательные изменения в христианской международно-правовой мысли. Так, если для ранних христиан любое насилие является недопустимым грехом, то с укреплением средневековой церкви ее представители выдвигают доктрины «справедливой войны» как средства международного укрепления церковной власти (в том числе и для обоснования «крестовых походов»): «Христиане первых веков избегали служения в армии, считая убийство врага, даже в открытой войне, преступным (Василий Великий, Тертуллиан, Ориген, Лактанций). Став с IV в. государственной религией, христианство дало войне свою санкцию (оправдание войны Августином Блаженным)» [27, 877].

Исследование такого влияния тем более важно, что первые христианские мыслители отвергали наработки античной мысли как языческой (это характерно только для наиболее ранних деятелей церкви, что и понятно, ведь когда церковь и соответствующая теологическая идеология проходят свое становление, они должны быть более агрессивными) на этапе, когда еще не образовалась христианская правовая доктрина, а высказывались отдельные взгляды мыслителями христианского направления. К периоду 1-го Никейского собора 325 г. (на котором установились основные доктрины христианства) отдельные христианские идеологи призывали к борьбе с греко-римским язычеством, выступали против службы христиан в армии, участия в войнах и т. д. Однако с периода IV–VIII вв. среди мыслителей, развивавших новую средневековую международно-правовую доктрину, в основном выделяются деятели церкви и

идеологи христианства. Поэтому именно католическая международно-правовая мысль должна была найти соответствующее толкование античного международного права и этим смягчить последствия несоответствия норм и институтов старого международного права новым отношениям. Ее представители основное внимание уделяли синтезу эллино-римской международно-правовой мысли с христианским учением, а не борьбе с ней. Среди отцов церкви, которые вернули правовой европейской мысли достояние античности, В. Грабарь, прежде всего, выделяет Св. Лактанция (250–325), епископа Миланского Св. Амбруаза (340–397) и Августина Блаженного (354–430).

Влияние римского права на международно-правовую мысль Средневековья стало ощутимым, по В. Грабарю, с XII в. и продолжалось до конца XV в. (здесь он всецело связывал это влияние с деятельностью школ глоссаторов и пост-глоссаторов). Впрочем, это утверждение можно принять лишь с оговорками. Ведь уже раннее Средневековье — период если не активного заимствования римского права, то, по крайней мере, его сосуществования с варварским правом новых феодальных субъектов («В течение ряда веков нормы международного права, выработанные в предыдущие века, еще действовали. Да и в дальнейшем они не были полностью уничтожены. Первые варварские государства широко использовали наследие, которое им досталось от Рима» [28, 50]). Более того, имея достаточно неразвитую юридическую технику, раннесредневековые европейские народы активно пользовались римско-правовым наследием при разработке собственных кодификаций (Сборник законов короля вестготов Алариха II 506 г., Салическая правда 508 г., Лангобардские эдикты конца VIII в., Исаврийская Эклога 741 г., Свод законов (эдикт) остготского короля Теодориха V в. — это практически выборки или переработки положений Институций, Дигест, Кодекса и Новелл Юстиниана). Следовательно, говорить о прекращении влияния римского права в это время нельзя.

С другой стороны, становление и особенности средневекового типа международного права характеризуются появлением нового типа государственности — феодальной. В средневековом государстве на первый план выходят понятия реального правителя, властелина страны (феодала). Происходит своеобразная приватизация государства, публичная власть которого часто подменяется личной властью таких суверенов. Также в международном праве «приватизируются» многие нормы. Однако это довольно быстро вошло в противоречие с требованиями международных отношений, что и проявилось в распространенном средневековом правиле запрета «частных войн». Но частноправовые нормы римского права все же осуществили свое влияние, которое вынужден признать и сам В. Грабарь: «Большое количество норм международного права имеют своим источником применение их к отношениям между государствами по аналогии с нормами внутригосударственного права. Именно оно породило международное частное право и международное уголовное право» [24, 12].

Определяющими мыслителями первого этапа становления средневековых международно-правовых взглядов стали М. Кассиодор (487–583), Г. Турский (538–594), епископ Миланский Св. Амбруаз / Амвросий Медиоланский (340–397), Аврелий Августин / Августин Блаженный (354–430), папы Лев I (440–461), Геласий (492–496) и Григорий I (590–604), а также А. Авитус (460–518) и Исидор Севильский (570–632).

Впрочем, наибольшее влияние на всю последующую средневековую христианскую правовую доктрину оказали Амвросий Медиоланский и Августин Блаженный, много взявший из учения первого. Именно им принадлежит приоритет в изложении основ нового международного устройства раннефеодальной Европы [23, 11].

Таким образом, проведя одну из первых систематизаций международно-правовых взглядов периода IV–VIII вв., В. Грабарь доказал, что между античностью и ранним Средневековьем разрыва в развитии международно-правовой мысли не было. Так, основным трудом Св. Амвросия он называет трактат «*De Officio Manastrorum Libri III*», который является адаптацией к христианской доктрине трактата Цицерона «*De Officiis*» («Об обязанностях»). В остальном также Амвросий продолжает развивать традицию Цицерона и Лактанция, рассматривая человеческий род как общечеловеческое общество. Однако здесь он не наследует стоиков, как и первых отцов церкви, с их взглядом на мир как единое большое государство, а предлагает новое развитие Европы как конгломерата христианских государств, который руководствуется принципами справедливости и естественным правом (указанные идеи повлияют на разработанную впоследствии кодификацию канонического права — Декрет Грациана, и это является еще одним свидетельством развития международно-правовых идей античности в европейской правовой мысли). Наконец, в развитие доктрины Цицерона, Св. Амвруаз разделяет войны на справедливые и несправедливые, положив начало христианской традиционной доктрине справедливой войны [24, 20–21].

Кульминацией развития первого этапа международно-правовых учений Средневековья является деятельность Августина Блаженного, который предложил концепцию упорядочения европейского международного правопорядка, наиболее авторитетную вплоть до этапа создания Декрета Грациана. Анализируя международно-правовые взгляды Августина, В. Грабарь выделяет как его специфический вклад в правовую мысль, особенно в области международной правосубъектности, где Августин отвергает целесообразность существования великих империй, так и продолжает поиск континуитета в международно-правовых идеях античности и христианства («элементы доктрины относительно договоров, которые находим у Св. Амвросия, находят свое развитие у Св. Августина» [24, 22, 23]). Впрочем, наибольшее внимание В. Грабарь уделяет вопросам войны в концепции Августина (недаром Августина называли «отцом современной концепции справедливой войны», на идеях которого основывалась дальнейшая христианская традиция, в частности Грациан и Фома Аквинский [29, 29–42]). Так, он утверждает, что Августин «сделал для средних веков то же самое, что Гроций сделал для XVII и первой половины XVIII веков» [30, 428].

Всю концепцию Августина Блаженного в отношении международного права В. Грабарь разделяет на два раздела: общие принципы [функционирования] международного правопорядка, вопросы участников международных отношений и субъектов международного права, соблюдения международных договоров и концепция права войны. Он, таким образом, выделяет его основную идею концепции: «Основа идеи международного права, по Августину, это концепция единства человеческого общества или мирового города» [30, 429]. По мнению В. Грабаря, Августину для построения концепции международного права помогла его осведомленность в истории, в частности античной. Так, деление на град

Божий и земной и развитие системы субъектов последнего, отношений между правом народов и правом государства (концепция правосубъектности, международно-правового статуса объединения, соответствующая иерархия между ними и вытекающие международные права и обязанности являются ключевыми в международно-правовой доктрине Августина) выводятся Августином по примеру (в сравнительном аспекте) Римской империи и международной системы субъектов, созданной ею.

Элементы доктрины права международных договоров, которые легли в основу и были развиты Августином, впервые были высказаны Амбруазом. Она заключается в последующем утверждении принципа неукоснительного соблюдения международных обязательств. И доктрина международной правосубъектности (закрывающая в утверждении межгосударственного международного права и отдающая предпочтение системе многих государств в отличие от «пирамидальной» древней системы международного права с одной империей во главе), и утверждение первенства международного договора (также вопреки предшествовавшей международно-правовой практике) с принципом его соблюдения — все эти аспекты международно-правовых взглядов Августина (и менее ощутимо — его предшественника Св. Амбруаза) свидетельствуют о понимании их автором прихода международного права нового типа — феодального межгосударственного права на договорной основе.

Можно проследить непрерывную линию развития средневековой христианской концепции справедливой войны: от требований к справедливой войне (прежде всего ее объявления и справедливого повода) Цицерона к заимствованным у него доктринам Св. Амвросия и Св. Августина (согласование этих требований с потребностями раннего Средневековья, в частности — запрет «частных войн») и к закреплению требований о справедливой войне в Декрете Грациана и формулированию требований к ее ведению в философии томизма. Большое внимание уделяет В. Грабарь в доктрине справедливой (правомерной) войны Св. Августина анализу места вопроса о ведении войн с неправовыми и возможности участия христианина в войне (ее соответствия библейским заповедям) [30, 438–442].

Основательно анализируя различные аспекты учения Августина Блаженного, В. Грабарь не останавливается, впрочем, на еще одном важном вкладе, который сделал в развитие правовой мысли. Святой Августин стал связующим звеном, перенес на средневековую почву международно-правовые идеи античности: фактически он вернул Европе международно-правовые взгляды Платона (так же, как идеи Аристотеля впоследствии были перенесены в средневековую правовую мысль Фомой Аквинским), неоплатоников, Полибия, и других, найдя в них рациональные идеи для развития средневекового государства и права; он хорошо знал правовую мысль Древнего Египта, Месопотамии и др. В то же время В. Грабарь останавливается почти исключительно на заимствовании или развитии Августином идей Цицерона (что может быть объяснено тем, что среди всех мыслителей античности именно у Цицерона идеи справедливой войны получили наиболее полное выражение). Впрочем, для В. Грабаря в целом присутствующим является сосредоточение внимания на воздействии именно Цицерона на формирование средневековой международно-правовой мысли (как и практики, особенно в области становления средневековых институтов, статуса иностран-

цев, неприкосновенности послов, ведения переговоров и третейского разбирательства и др.), и некоторое игнорирование других античных мыслителей.

Важность двух аспектов международно-правовых взглядов Св. Августина — справедливость (правомерность) войны и место государств (особенно крупных) в сообществе наций, В. Грабарь подчеркивал в проекции на современное ему правосознание [30, 446]. Здесь можно упомянуть его заинтересованность вопросом о месте государства, принципе равенства государств, государственно-го суверенитета в международном праве начала XX в. и характеристику этого права как межгосударственного.

Довольно странным представляется толкование В. Грабарем вклада в международно-правовую мысль Исидора Севильского — последнего, как он его называет, представителя переходного этапа становления международно-правовых взглядов Средневековья (IV–VIII вв.). Тот, как известно, дал определение международного права в своем сборнике «Начала» или «Этимологии», взятое им у Ульпиана (или, скорее, это перечисление сфер, на которые распространяется право народов, выведение его предмета). В. Грабарь считал, что «дефиниция права народов, содержащаяся в сборнике И. Севильского, стала знаменитой в истории международного права. Она, несомненно, является изложением определения римского юрисконсульта Ульпиана» [24, 28] «его “Начала” представляли собой сокровищницу знаний, своего рода энциклопедию, из которой современники и последующие поколения веками... черпали свои научные сведения» [23, 14]. Конечно, это было энциклопедическое произведение, имевшее целью компиляцию (и передачу следующим поколениям знаний). Очевидно, именно компиляторский характер работы И. Севильского (собравший существующие сведения из всевозможных областей знаний: от медицины и химии до астрономии, физики, права, философии и т. п.) заставил римскую католическую церковь в 2003 г. провозгласить его покровителем пользователей Интернета [31]. Впрочем, на этом (компиляции знаний и передаче их преемникам, особенно в области международного права: «литературной работе именно этого времени (начала VII в.) мы обязаны сохранением отрывка из правовой письменности Рима доюстиниановой эпохи, отрывка, которому суждено сыграть выдающуюся роль в литературной истории международного права. Я имею в виду отрывок, который перечисляет институты права народов» [23, 14]) исчерпываются его заслуги. Современные исследования международного права это убедительно доказывают: «Двадцать книг “Этимологии” выделяются прежде всего тем, что их автор проявил упорство в переписывании древних авторов (Боэция, Иеронима, Гигина, Августина, Григория Великого, Сервия, Феста, Ульпиана и других). А там, где он позволял себе самостоятельность, отчетливо проявились примитивизм его мышления, отсутствие оригинальных идей. Достаточно вспомнить обвинения колдунов в том, что они навлекают град, дождь, засуху, обращают одно животное в другое, человека в волка или другого зверя, которые выдвигал И. Севильский, или его утверждение о том, что существуют летающие ламии, демоны-люди, маски, которые поедают детей и являются любовниками женщин. ...Итак, достаточно легкомысленно называть его “известным просветителем”, а “Начала” сводить к статусу “сокровищницы знаний, из которой последующие поколения черпали все свои научные сведения”» [32, 50].

Второй этап становления международно-правовой мысли Средневековья обозначился становлением Священной Римской империи, а светская власть в

этот период начала чувствовать себя все более уверенно: «Рим снова стал центром мира, христианским наследником языческого Рима» [24, 29]. В. Грабарь сосредоточивается не на простом перечислении высказанных в то время международно-правовых взглядов, а показывает комплексную картину, как во время этого этапа фактические международные отношения (в частности между церковной и светской властями) повлияли на формирование тех или иных международно-правовых концепций.

В начале периода борьбы с церковной властью за первенство в Европе в Священной Римской империи устанавливается феодальная система, согласно которой все другие, более мелкие, правители являются вассалами или подчиненными императора. Такая централизация, наподобие соответствующих процессов в античной Римской империи, но уже на средневековых основах, имела целью утвердить первенство светской (императорской) власти в Европе. Детальный анализ взглядов пап Григория IV, Николая I, Григория VII, Иннокентия III и других приводит В. Грабаря к выводу о большей теоретической, научной и образовательной обеспеченности церковной силы на этом этапе (опирающейся на библейскую и античную философскую базу).

В. Грабарь обращает внимание на внеправовые источники, которые могут свидетельствовать о международно-правовых взглядах (и институтах). Помимо светского и церковного направлений формирования международно-правовой мысли, он изучает народное творчество, фольклор, песни, поэтические хроники, содержащие упоминания о правилах отправления и принятия посольств, отношения к иностранцам, территории, ведение войны и др. Здесь он приходит к выводу, что «в песнях эпохи (таких, как Песня о Людвиге, Песня о Хильдебранде, поэма *Ruodlieb*, Песня о Роллане) находим достаточное количество правил, касающихся международного права» [24, 36].

Среди доктрин светского направления В. Грабарь выделяет в тот период идеи английского ученого, теолога и учителя Алкуина (примерно 735–804 гг.)¹; архиепископа Лионского Агобарда (769/779–840 гг.), который в переписке с европейскими правителями последовательно отстаивал наставления Алкуина о преимуществах мирных межгосударственных отношений («Враги мира, — писал он императору Людовику I, — подстрекают императора к войне. Они обещают служить Богу. Но Бог нам приказал любить наших ближних» [24, 36]), Р. Гинкмара (примерно 806–883 гг.), который много сделал для возрождения международно-правовых идей Августина Блаженного.

Основными событиями третьего средневекового этапа формирования международно-правовой мысли (с конца XI до конца XIII в.), которые повлияли на дальнейший ход ее становления, В. Грабарь называет «борьбу между империей и папством, крестовые походы, возрождение изучения римского права и, как следствие этого изучения, формирование канонического права» [24, 373]. Опираясь на анализ этих исторических факторов, В. Грабарь тем самым предлагает довольно удачный методологический подход к исследованию истории международно-правовой мысли — выведение ее закономерностей из событий в международных отношениях и выделение ее влияния на развитие последних.

¹ Обращая внимание именно на международно-правовую составляющую творчества Алкуина, В. Грабарь тем самым обращается к анализу еще одной сферы своего научного интереса — английской школы международного права.

Главными факторами взаимодействия в международном праве того времени стали, как он их называет, «две системы государств» — «система имперская» и «система понтийская»: «До второй половины XI в. государства западного христианства не имели общего центра группирования. Была империя, основанная Карлом и реконструированная Оттоном Великим. Во второй половине XI в., а особенно начиная с понтификата Григория VII, папство стало еще одним, вторым центром группировки государств. ...Идея создать контрбаланс могущества империи путем формирования системы государств, сгруппированной под началом Святого Престола, проявилась еще у Гильдебранда, будущего папы Григория VII (1073—1085). До его понтификата только две страны были вассалами Святого Престола — норманнское государство в южной Италии (с 1059 г.) и королевство Арагон в Испании (1068)» [24, 373, 375]. Григорий VII официально провозгласил верховенство церкви (которая олицетворяет священное) над светской властью (олицетворяет греховное), а следовательно и формирование международного правопорядка должно основываться на христианских началах. С этой же целью он прибегал к активной дипломатической деятельности, привлекая к переговорам об этом правителей стран Восточной Европы, Скандинавии, Англии, и, конечно, Западной Европы. В этом процессе он обращался и к князю Киевской Руси Изяславу с предложением принять покорность престолу Святого Петра. Концепция Григория VII заключалась в подчинении международной жизни Европы папскому престолу. Такая блестящая деятельность, по мнению В. Грабаря, привела к тому, что «идея Григория VII превратить земные государства в град Божий и передать их в подчинение церкви достигла своего апогея при папе Иннокентии III (1198—1216). ...Государства имперской системы были включены в круг государств, вассальных по отношению к Святому Престолу» [24, 377].

Наконец в борьбе этих двух сил наиболее окрепшей выходит светская власть, что и приводит к установлению, уже начиная с этапа «вестфальской системы международного права», позитивно-правовой концепции, как наиболее авторитетной концепции этого права (со всеми ее этактическими составляющими: принцип суверенного равенства и баланса сил как основа международного правопорядка, государство как основной субъект этого права, межгосударственный договор — как основной источник и др.).

Завершая исследование формирования средневековой международно-правовой мысли, В. Грабарь подходит к сфере, которая представляла один из его крупнейших научных интересов, — развитие римского права в международно-правовой мысли глоссаторов и постглоссаторов: «Двенадцатый век являет собой очень важную для истории международного права дату. В это время новый источник международного права, источник сугубо юридический, добавляется к уже существующему моральному и религиозному источнику — Библии. Этим источником является римское право» [24, 393].

В. Грабарь выдвигает идею о том, что с этого времени светское и церковное направления становления международно-правовой мысли развиваются собственными путями. Школа глоссаторов (а впоследствии и другие национальные школы международного права) берет на вооружение идеи римских юристов, а каноническое право развивается на основе библейских заповедей и их толкований отцами церковной мысли. Здесь ключевым моментом становления христианской международно-правовой доктрины является принятие Декрета

Грациана (примерно в 1140 г.). Следовательно, со времен Декрета Грациана («основателя науки канонического права» [33]) римское право теряет свое значение, как обязательный для церкви правовой источник, и сохраняет силу лишь как вспомогательный источник, нормы которого не отменены церковным законодательством [23, 96–97]. В Декрете провозглашается безусловный авторитет естественного права, даже если оно противоречит праву каноническому («постановления церковные и светские, не согласованные с естественным правом, должны быть устранены» [34]).

Исследуя средневековый период развития международного права, В. Грабарь обращался к фульдскому летописцу, который отмечает в 876 г., что когда Карл Лысый напал на владения своего брата Людовика Немецкого, тот сделал следующее: «Отправил между тем послов к Карлу, говоря: зачем ты выступил войной против меня, когда предписано древнему (т. е. ветхозаветному) народу начинать войну даже с иностранными народами только после того, как они отвергли предложенный им мир?» [23, 19–20]. На основании этой записи В. Грабарь пришел к несколько одностороннему выводу, что Библия была в то время основным источником международного права [23, 18]. Однако здесь не следует забывать, что речь идет о конце IX в., когда различие между религией и международным правом уже упрочилось. С IV в. начинают создаваться церковные правила (*canones ecclesiastici*) вследствие того, что светское право, в том числе и международное, не во всем удовлетворяло церковь. Не отрицая роли Библии для решения межгосударственных вопросов, нельзя ее также преувеличивать: «В Декрете Грациана даже простой факт библейской или церковной истории сам по себе, как прецедент, без указания мотивов, служит источником права» [23, 20]. Но Грациан систематизировал каноническое право и не искал примеров из светского международного права. Кодифицирование канонического права (сначала научное — Иво Шартрского, Грациана и других, а затем официальное) началось и потому, что международное право, которое значительно обособилось, не устраивало церковь.

К следующему этапу развития международно-правовой мысли на основе римского права в ней уже были сформированы взгляды на отдельные институты этого права, которые в свою очередь способствовали практическому функционированию последних и их включению во внутригосударственные и международно-правовые акты. Ими были: институты права международных договоров, иностранцев, посольского права, посредничества, арбитража, репрессалий, права войны (в частности справедливой, пленных и заложников, различие между морской и сухопутной войной).

В. Грабарь доказал, что определение Средневековья как «темных веков» в духовном развитии человечества ошибочно. Основным доказательным материалом для него послужили доктрины глоссаторов и постглоссаторов, итальянская школа права, в частности глоссы Ацо («первоклассный глоссатор») и Аккурсия («первый законовед средних веков») в части попыток первого раскрыть суть территориальных вод и привести в соответствие международно-правовые взгляды римских юристов с раннефеодальными убеждениями, а второго — примирить различия античной и римской точек зрения со средневековыми в вопросе определения субъектов международного права [23; 35]. До него международно-правовые взгляды глоссаторов наиболее полно исследованы немецкой исторической школой права, в частности Ф. Савиньи [36]. Деятельность

школы постгlossаторов позволила В. Грабарю сделать следующий вывод: «Международное право как юридическая дисциплина обязано своим возникновением юристам средних веков, постгlossаторам, а не богословам, как принято считать» [26, 200].

Процесс влияния школ гlossаторов и постгlossаторов на развитие международно-правовых учений (на основе толкования положений римского права) В. Грабарь также делит на соответствующие этапы. Прежде всего, здесь он выделяет деятельность Ацо: «Юрист Ацо, окончание литературной деятельности которого совпадает с первой четвертью XIII в., во вступлении к своему изложению юстиниановых Институций набросал картину апофеоза римского права, возродившегося к новой жизни. Это право, по его словам, охраняет на земле правосудие; его служители господствуют над миром; они заседают в верховном суде, творя суд над племенами и народами. ...Уже с начала века (XIII в. — О. Б.) римское право получает широкое распространение, становится как бы общим правом, возвышается над правом племенным и народным, — своего рода правом международным» [23, 22–23]. Впрочем, как утверждает автор, школы гlossаторов и постгlossаторов представляют не только два этапа становления международно-правовой мысли, но и отражают соответствующие подэтапы развития международного права: гlossаторы «хотели одеть современные им общественные отношения в римскую правовую одежду, не интересуясь, придется ли она по телу. ...Им казалось совершенно ясным, что в случае расхождения между действительностью и правом (римским) уступить должна действительность, а не право. На самом деле произошло иначе. Под римским покровом пряталась правовая фигура германского варвара. ...Дело перекройки осуществили уже не гlossаторы, а их преемники, так называемые постгlossаторы или комментаторы. Они приспособили римское право к современной им жизни, хотя и сделали это ценой самого римского права. На такую жертву гlossаторы не решились бы. Но путь был указан именно ими. ...Римское право должно стать действующим правом, а эта цель могла быть достигнута не иначе как путем соответствующих общественному строю средних веков изменений в самих нормах римского права. Юристы имели в своих руках послушное оружие — толкование правовых норм; гlossаторы пользовались им очень осторожно, применяя его неохотно; комментаторы стали применять его с большей смелостью [23, 28–29]».

В. Грабарь не говорит об этом прямо, но здесь ощущимо прослеживается подтверждение его концепции, изложенной в работе «Первоначальное значение римского термина *jus gentium*». Основные ее положения применительно к периоду Средневековья заключаются в том, что существует, во-первых, первичность международного права (из которой следует его преобладание над внутригосударственным в определенные эпохи: «право, которое возвышается над племенным и народным») во-вторых, его флуктуационный характер (римское *jus gentium* претерпело изменения от публичного права народов к частному, гражданскому праву Рима, а также (и как следствие) от международного к внутреннему и наоборот). Эти же черты всеобщности, одинаковости для всех народов сохранились в международном праве и в дальнейшем, способствуя его приспособляемости к изменяющимся обстоятельствам в системе международных отношений в последующие исторические периоды. В-третьих, и это можно вывести из предыдущих характеристик международного права, согласно концепции В. Грабаря, «отношения» международного и внутригосударствен-

ного права в ходе истории не были однородными, и в зависимости от соответствующих правовых факторов устанавливалось преобладание то одной, то другой системы. Считая более ранним происхождение международного права «в межродовых отношениях доклассового общества», которое лишь впоследствии, с образованием государства, распадается на международное и внутреннее право, которое влияет на параллелизм между обеими системами [4, 38], В. Грабарь подводит к идее о закономерности соотношения этих правовых систем в ходе истории и в дальнейшем. Так, принципы соотношения международного и внутригосударственного права были разными (а иногда и противоположными) в зависимости от этапа их взаимодействия. Согласно этому, можно вывести три основные закономерности соотношения внутреннего и международного права:

1) преобладания регулирующей роли внутреннего права на этапе становления государств определенного типа (древних, феодальных, буржуазных и т. д.);

2) одинакового взаимодействия, взаимовлияния и взаимодополнения обеих правовых систем на этапе существования развитых государств одного типа и устойчивой системы их отношений;

3) преобладающего влияния международного права на заключительном этапе существования государств соответствующего типа (по марксистской терминологии — «формации») и появления государств следующего исторического типа, которые использовали это право с целью установления нового международного и внутреннего правопорядка.

В последний период государства старого правопорядка настаивают на преобладании международных обязательств над национальными правовыми актами, что входит в противоречие с правом новообразованных государств, стремящихся укрепить свое национальное право, настаивая на его преобладании; этот процесс приводит к новому витку развития взаимодействия двух систем.

Та же закономерность взаимодействия характерна и для периода второй половины Средневековья. В частности, В. Грабарь увидел ее в соответствующих флуктуациях международно-правовой мысли, заимствованиях и толкованиях ею римского права народов: «Научное изучение римского права прерывалось... следов его между VIII и XI веками невозможно установить, а литературные памятники, принадлежащие к этому периоду, созданы в VIII или XI в.; ...римское право изучалось, во всяком случае, не научно, а разве только для практических целей. Исследования, посвященные доболонской литературе римского права, не содержат каких-либо данных, которыми можно было бы воспользоваться для литературной истории международного права» [23, 25].

Действительно, вторая половина средних веков уже является тем периодом, когда международное право на римско-правовой основе более соответствует международной системе в ее переходе к классическому («вестфальскому») периоду, который всецело окажется под влиянием римского права народов и позитивистской концепции, зародившейся в его недрах (в том числе толкованиях глоссаторов и постглоссаторов).

Одним из основных достижений школы глоссаторов В. Грабарь называет преобразование правоведения в самостоятельный предмет исследования и преподавания, создание новой отрасли гуманитарной мысли. Успех же глоссаторской школы В. Грабарь объясняет двумя факторами:

1) отсутствие четкого разграничения между частноправовым и публично-правовым в то время и, соответственно, необходимость обращения к римскому

праву народов, которое это разграничение не только четко устанавливало, но и знало само;

2) влияние представителей обеих школ — практических адвокатов, дипломатов и советников своих правительств, которые приспособляли теорию римского права к существующей феодальной практике.

По мнению В. Грабаря, понятие о международном праве глоссаторов заключается в том, что это право «объединяет институты, возникшие без какого бы то ни было вмешательства государственной власти» [23, 70]. Понимание международного права в этот период прошло изменения в соответствии с пониманием римско-правовых подходов: вначале глоссаторы рассматривали это право как сочетание элементов права народов, гражданского и естественного права. Однако со временем оно утверждается у них как право народов в узком смысле, лишается естественно-правовых характеристик, следствием чего является утверждение позитивистского взгляда на это право в XVI–XVII вв.

С точки зрения систематики международного права, то в Глоссе можно найти зачатки многих учений по отдельным институтам международного права, например, морского, посольского, частного и уголовного, права войны [23, 75]. В сфере права войны роль глоссаторов сводится не столько к разработке права войны, сколько к передаче и разъяснению взглядов римских юристов по данному вопросу [23, 75]. Впрочем, основное внимание он уделяет институту, ключевому для понимания международного права соответствующей эпохи, а значит и основному для толкования глоссаторами — институту правосубъектности. То, как глоссаторы и постглоссаторы приспособляли римско-правовые представления о субъекте права к современному им строю, является ключевым для понимания их международно-правового учения (как и основным достижением этих школ в истории международно-правовой мысли): «Признавая существование многих государств, независимых и зависимых, глоссаторы должны были решить вопрос, какими нормами следовало руководствоваться этим государствам в их взаимных отношениях, где обязательные для них источники права? ...В этом учении глоссаторы повторяют римских юристов, усвоив для себя трехчленное деление права, появившееся в поздней юриспруденции, на право естественное, право народов и право гражданское» [23, 57].

Однако указанная задача глоссаторов была непростой. Рим, периода его могущества и даже упадка, признавал субъектами международного права только независимые государства. Но в новых условиях городские общины, например, Италии, пользовались столь широкой автономией, что даже вступали в международно-договорные отношения между собой (в истории Италии XII в. характеризуется как «период автономий» [37, 3]). Практически это полноценные участники международных отношений и фактически сильные субъекты международного права. Перед глоссаторами встала задача согласовать их реальный статус и практические отношения с существующим и признанным не только в доктрине, но и практике положением классического римского международного права, согласно которому только Римская империя и независимые от нее государства являются субъектами международного права и могут заключать между собой международные договоры («Средневековые городские общины по своему положению были более похожи на государства, чем на частноправовые союзы; их взаимные отношения носили скорее международный характер. Нормы межгосударственного права оказались более пригодными для регули-

рования этих новых отношений и нашли поэтому соответствующее применение к ним, хотя и противоречили правовым представлениям о единстве римского государства» [23, 56], — следует отметить, что такие представления уже давно не отвечали существующей действительности, а сама Римская империя в своем классическом виде уже не существовала).

Выход нашел Ф. Аккурсий (1182–1260), который предложил решение: «Поскольку любая городская община Италии... ныне не признает над собой владыки, она сама по себе являет свободный народ, обладая государственными правами и такой же властью в пределах одного народа, которой император пользуется повсеместно» [23, 185–186]. Вообще В. Грабарь высоко ценил вклад Ф. Аккурсия в развитие науки международного права: «Впечатление, которое произвел выход этого труда («Глосса» Аккурсия. — О. Б.), было значительным. В судах этот сборник стал впоследствии настольной книгой и принес автору славу первого законоведа средних веков» [38, 293]. Впрочем, современные исследователи считают, что именно такие юридические конструкции Ф. Аккурсия противоречили классическому римскому международному праву [28, 86]. Но, пожалуй, здесь не учитывается, что в условиях глобальных международных изменений международное право способно выдержать политические «разрывы» и привести систему международных отношений в состояние стабильности. Глоссаторы XII в. в основу признания международной правосубъектности образования ставили его реальный суверенитет.

Поэтому и не совсем понятным для классической науки стало положение глоссаторов, а впоследствии постглоссаторов, отражавшее существующую раннесредневековую, а затем устойчивую международно-правовую практику, согласно которой государство в теории и государство в новой практике международных отношений не совпадают. Особенно это касается тезиса Бартоло де Сассоферато (который, по мнению В. Грабаря, «снискал славу великого юриста средних веков» [39, 112]), о том, что городские общины «по праву или фактически сейчас не признают над собой высшей власти и, таким образом, являются свободным народом» [23, 184].

В вопросах права войны аспект международной правосубъектности или международно-правового статуса также играл важную роль в учении глоссаторов. Так, выводом из принципа запрета «частных войн» классификацию субъектов международного права, глоссаторы, как считал В. Грабарь, разделяли их на четыре категории:

- 1) римский народ;
- 2) его враги;
- 3) ни враги, ни друзья (так как с ними римский народ не имеет никаких отношений);
- 4) находящиеся с империей в дружеских отношениях на основании договора, заключенного, возможно, после войны [23, 52].

Указанное разделение субъектов международного права согласно их международному статусу и принципу мирных или дружественных отношений, как его толкует В. Грабарь, напоминает принцип *мандалы*, положенный в основу международного права индийского региона, содержащийся в частности в Артхашастре, в соответствии с которым все субъекты международного права делятся на три категории в зависимости от дружественных или враждебных отношений между ними (ближайшие соседи — враги, соседи соседей — союзники и т. д.). Сходство

этих концепций является подтверждением формирования одинаковых международно-правовых представлений в разных регионах, возникающих в связи с одинаковой сущностью международно-правового регулирования.

Следствием деятельности школы глоссаторов стало, по мнению В. Грабаря, окончательное утверждение в правовой мысли международного права как отдельной системы и возникновение первых национальных школ этого права во многом на основе их отношения к римско-правовому элементу во внешних отношениях: «Когда впоследствии национальное право в некоторых странах взяло верх над римским, победа эта ограничилась отношениями внутригосударственными и не задела отношений внешних, международных. ...Такая судьба постигла римское право и романистов в Англии. Римское (гражданское) право (*Civil Law*) уступило свое место в отношениях между англичанами на английской территории обычному (общему) праву Англии (*Common Law*), романисты («цивилисты», «*Civilians*») — юристам общего права (*Common Lawyers*). Но за пределами Англии и в отношениях с иностранцами «гражданское право» сохранилось: юридические отношения, которые создавались на этой почве, относились, как и раньше, к компетенции «цивилистов». «Гражданское право» из права общенародного превратилось в международное, и цивилисты стали первыми теоретиками международного права» [23, 45]. Возможно, этим параллелизмом с судьбой римского классического *jus gentium* и заинтересовала В. Грабаря английская средневековая школа международного права.

В этом контексте интересно толкование, данное В. Грабарем римско-правовому термину «гражданское право». Проводя параллели с Римской империей, он отождествляет этот термин с понятием «внутригосударственное право» (в отличие от международного или права народов). По его мнению, этот термин означал всю совокупность внутриправовых предписаний — публично-правовых и частноправовых, но поскольку большую их часть составляли нормы частного права, то в будущем европейской правовой мыслью этот термин был воспринят для обозначения именно гражданско-правовой или частноправовой отрасли. Генетически же этот термин обозначал общее право римского государства, в отличие от права народов, и в этом смысле сохранился только в английском праве: «На пространстве, занимаемом Римской империей, сложилось, таким образом, двойственное гражданское право: общее для всей империи римское право, или гражданское право в собственном смысле (*jus civile generale, jus civile*), и особое право отдельных территориальных союзов, частей Римской империи, так называемое уставное или муниципальное право. Наиболее консервативная по своему характеру английская юриспруденция сохранила эту терминологию до наших дней, продолжая называть римское право гражданским (*Civil Law*), а право каждого государственного союза — муниципальным (*Municipal Law*). ...В нашем юридическом языке нет термина, который бы служил для обозначения совокупности правовых норм каждого отдельного государства, термина, соответствующего понятию «*jus civile*» римских юристов и их средневековых толкователей или понятию «*municipal law*» английской юриспруденции. Выражение «гражданское право» является дословным переводом термина «*jus civile*», но в наше время понимается слишком узко, не в своем первоначальном значении, которое объединяло как частные, так и публичные правоотношения, а лишь в смысле «частного права» [23, 60–61].

Однако наибольшее проявление, как предшественники классической международно-правовой мысли, получили идеи международного права в деятельности постглоссаторов, чему, по мнению В. Грабаря, способствовали обстоятельства международной жизни того времени: «Для исследователя международного права постглоссаторы представляют особый интерес как современники и свидетели нового строя международной жизни Европы, который зарождался и был призван заменить средневековый теократический порядок, в котором папа и император были верховными правителями единого христианского государства западноевропейских народов. ...Первые более-менее последовательные учения об отдельных институтах международного права находим именно у канонистов XIII в. и у легистов-постглоссаторов» [23, 128, 129]. Следует отметить, что здесь В. Грабарь одним из первых исследователей истории международно-правовой мысли того времени отмечает влияние перехода к новому международному праву в тот период вследствие изменений в международной системе: отказ от феодального (вотчинного или частноправового) взгляда на международную правосубъектность, территорию и население в международном праве; окончательный отказ от «частных войн»; уменьшение религиозной составляющей и перенесение акцента в международном правотворчестве на суверенные государства; трансформация статуса международного договора (утверждение его не как контракта, а как публично-правового источника, основанного на суверенной воле сторон); формирование первых отраслей, комплексных институтов и, как следствие, системы международного права.

Эти изменения в политической жизни наиболее полно нашли отражение в учении постглоссаторов Бартола и его ученика — Балда, которым В. Грабарь и уделяет большее внимание. Международно-правовое учение о государстве постглоссаторов, в частности Бартолом, было доведено до такого уровня, что впоследствии легло в основу теории суверенитета периода Возрождения [23, 169]. Если для глоссаторов толкование международной правосубъектности государства является требованием времени, ответом на фактическое создание и существование таких государств на территории бывшей Римской империи, то постглоссаторы показывают сущность этой правосубъектности путем анализа ее составляющих — территории, населения, власти. В основе видения Бартолом государства (или общины, города) как субъекта международного права лежит фактическая независимость этого образования от церковной власти.

Более полно идея суверенитета как основы международной правосубъектности интересует В. Грабаря в идеях Балда, поскольку именно его период является этапом утверждения почти классического взгляда на международное право как межгосударственное: «Если Бартол еще мог, хотя и с оговорками, придерживаться фикции государственного единства священной Римской империи, то для Балда и его современников это становилось уже невозможным. ...Нет ничего удивительного в том, что новое формирующееся государство привлекло к себе внимание юристов. Феодальные отношения вообще были чуждыми для людей, воспитанных на понятиях римского права. ...Балд выдвигает перед государственной властью целый ряд ограничений, которые следуют из требований естественного права и права народов и являются в исходном виде своего рода “декларацией прав человека и гражданина”» [40, 5, 8]. В идеях Балда В. Грабарь видит первую предбоденовскую концепцию государственного суверенитета,

впрочем, в отличие от Ж. Бодена, не абсолютного, а ограниченного требованиями права народов (в частности, принципом *pacta sunt servanda*).

В. Грабарь отстаивает мысль о том, что уже Бартолу принадлежит идея объединения народов на основании культурного единства, признания единой церкви (впрочем, в вопросе борьбы концепций «двух мечей» Бартол не занимает еще четкой позиции, здесь он «не был ни крайним империалистом, ни крайним сторонником церкви. В нем нашло свое правильное выражение то примирительное направление, с преобладанием церковного авторитета, которое наступило с царствованием на императорском престоле Карла IV» [23, 180]), которую принято считать произведением испанской школы международного права, в частности Ф. Витториа. О существующем международном правопорядке Бартол говорит, как о «мире западнохристианском, распавшемся изнутри на независимые государства, но все же сохраняющем определенное религиозно-политическое единство, отделяющее его от остального мира» [23, 192]. Это уже доктринальное объяснение международного права, как права только определенной совокупности народов, имеющих общие римско-правовые корни и исповедующих одинаковые культурные ценности. Этот подход в дальнейшем является основой толкования международного права как права цивилизованных народов.

Развивая эту идею Бартоло, в частности, анализируя, как тот рассматривал возможность включения в международное общение неевропейских народов, В. Грабарь формулирует свой взгляд на видение международного права как права «цивилизованных наций»: «...На этом Бартол прерывает свои разъяснения международных отношений западнохристианского мира к народам христианского и нехристианского Востока. ...Но не потому, что нечего было сказать о них, а лишь потому, что они не представляли интереса для Бартола. ...Для историка международного права отношения Римской империи к другим народам, находившимся за ее пределами, также не представляют большого интереса, поскольку не в этих, в целом исключительных, отношениях выросли нормы современного международного права, а в отношениях внутри империи и при этом именно на основе, которую заложило римское право» [23, 193]. Поэтому В. Грабарю был присущ распространенный в его время взгляд на международное право как «право цивилизованных наций». Так, в целом он положительно (по крайней мере, не критически) оценивал международно-правовой евроцентризм: «В течение второй половины XIX в. культурные государства Европы только тем и были заняты, что уничтожали самостоятельное существование целого ряда государств более низкой культуры. Жалеть о такой гибели целой массы государств вряд ли стоит... Положение этих стран и их населения все же лучше при новом управлении, чем было при старом» [15, 34]. На такую позицию повлияло исследование В. Грабарем римского права народов, как права более развитого и заложившего основу европейского международного права.

Из проблемы об обосновании правомерности репрессалий, перед которой стоял Бартол, В. Грабарь делает вывод о преобладании и неизменности международного права. Пытаясь в течение нескольких веков запретить репрессалии, европейские правители не достигли в этом успеха при отсутствии других действенных средств восстановления нарушенных прав, эффективного правосудия и т. д. Постгlossаторам приходилось согласовывать правовую мысль, которая в целом отвергала правомерность репрессалий, с реальной жизнью. Следовательно, не находя поддержки в римском праве, Бартол нашел выход,

обратившись к праву народов: «Бартолу необходимо было только доказать, что репрессалии разрешены правом народов, и тем самым сразу снимались все возражения против них, как института, находившегося в противоречии с нормами римского гражданского права: то, что разрешено правом народов, римским законом запрещено быть не могло. ... Там, где римские нормы не являются уместными, они отменяются и заменяются другими, происходящими из более высокого источника — естественного права и права народов» [23, 230].

Этот же авторитет права народов дает начало и ключевому значению принципа неукоснительного соблюдения международных обязательств [40, 17–26]. Это уже является проявлением достаточно стабильной средневековой системы международного права и международных отношений, требующей своего доктринального закрепления и толкования необходимости соблюдения своих принципов. Так, по Бартолу, «договоры имеют источником своим право народов... право же народов неизменное» [40, 18]. (Исследуя взгляды постгlossаторов в отношении идеи соблюдения международных обязательств, которая сама по себе является продуктом глубокой древности, В. Грабарь сравнивает их с концепцией Г. Еллинека по «самоограничению» государств не в пользу последней, как проявления крайнего формального и фиктивно государственнического подхода к международному праву).

Все это, по заключению В. Грабаря, влечет:

- 1) осознание международного права как отдельной правовой системы, призванной исключительно регулировать межгосударственные отношения;
- 2) толкование и восприятие этого права как публичного;
- 3) выделение международно-правовой мысли как отдельной сферы правоведения.

Впрочем, один из выводов, к которому приходит В. Грабарь в результате исследования средневековых международно-правовых учений, является дискуссионным. Так, по его мнению, «в начале XII в. мы встречаемся с первыми следами обращения к римскому праву с целью найти подходящую норму для урегулирования отношений, которые впоследствии выделятся как отношения международные» [23, 234]. Такие мысли характерны и для других ученых: «Феодальное общество в первые периоды существования по форме напоминало систему договорных связей между феодалами различных рангов, владения которых (феоды) были государствами в государствах. ... В силу таких особенностей феодального строя частноправовые отношения нередко трудно отличить от публично-правовых, а частный договор от международного в полном понимании» [41, 28].

Полностью соглашаясь с тем, что в период раннего Средневековья в Европе, по словам В. Грабаря, царил «феодальный строй отношений, где публичное право основывалось на частном», нельзя также не усматривать и генетической разницы между этими сферами и постоянные попытки мыслителей провести между ними грань (призывы к запрету частных войн в трудах Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного и др.; выдвижение концепций публичного, суверенного правителя как единственного реального правителя страны в доктринах представителей средневекового светского направления международно-правовой мысли, установление доктрин территориального и личного верховенства в деятельности римских пап и других отцов церкви и т. д.). Анализ международных договоров за период с начала прошлого тысячелетия до ста-

новления классического международного права показывает, что в европейском регионе, если и можно встретить цивилистические элементы, то лишь формального характера.

Следующим историческим этапом становления международно-правовой мысли, который представлял для В. Грабаря научный интерес, стал период формирования национальных школ международного права. В их становлении он видел большую роль обращения к обоснованию права войны, объяснения его как части международно-правовой системы: «Для наблюдения за соблюдением регламентов и решения всех юридических вопросов, связанных с военной службой, при войсках введена была должность аудиторов — военных юристов. ...Им принадлежат первые исследования по праву войны в новейшее время (после работ средневековых богословов и канонистов). Ими были аудитор войск императора Карла V в Италии, а позднее военный советник Филиппа II Испанского, итальянец П. Белле и генеральный аудитор бельгийских войск Филиппа II, уроженец испанских Нидерландов В. Аяла. В их работах отразилось влияние возрожденной античной литературы: право войны строится ими на строгих правовых утверждениях и строгой военной практике римлян» [27, 874–875].

Впрочем, больший интерес для В. Грабаря составляет средневековая и новейшая английская школа международного права. Хотя и ее формирование он несколько упрощенно связывает с раскрытием вопросов права войны: «Война, значительно изменяя обычные в мирное время отношения между народами, рано привлекла внимание исследователей и побудила их выделить международное право в отдельную отрасль правоведения (А. Джентили, конец XVI в.)» [27, 875]. Собственно формированию и особенностям этой школы и была посвящена его докторская диссертация «Наука международного права в Англии в реформации». Хотя весь текст работы был потерян во время Первой мировой войны, очевидно именно ее части сохранились в виде ряда опубликованных работ В. Грабаря: «Международно-правовые взгляды Джона Уиклифа», «Вопросы государственного и международного права в Комментариях Джона Мэра к Сентенциям Петра Ломбарда», «Понятие естественного и международного права в английской литературе XII–XVII веков», «репрессалии в Англии при Эдуарде II» [11; 17, 54].

Об исключительном интересе В. Грабаря к истории международно-правовой мысли свидетельствует и его желание охватить наименее исследованные ее аспекты. К такому относится и обращение к международно-правовым взглядам средневекового шотландского юриста и богослова Дж. Мэра. Именно международно-правовые взгляды последнего не нашли отражение в теории (в том числе и английской). Мыслитель главным образом рассматривался как автор теологических и политических идей: «Он преимущественно... занимался экклезиастическими вопросами взаимоотношений Папы и Общего Совета, политическими принципами» [42, 247–249]. В основном были исследованы его идеи относительно политического устройства (обоснование полноты власти правителя над его государством и отношений между светской и церковной властями) и их сравнение с соответствующими тезисами Н. Макиавелли. Среди специалистов по международному праву об этом средневековом исследователе вспоминал только профессор Э. Нос [43; 44, 20].

Большую часть своего исследования В. Грабарь посвящает международно-правовым взглядам Дж. Мэра. Впрочем, рассматривая его взгляды на государ-

ственное право, он останавливается на концепции первичности упорядоченного общества (дарованного богами) и наступления в нем смут после греха, совершенного людьми, а изгнание их из рая — как санкция. Указанная концепция, сформулированная Дж. Мэром о праве собственности («Будучи неиспорченными до первого греха, люди не знали собственности ...После первого греха в падшем состоянии человеческой природы появилась потребность в слугах (рабах)» [45, 294]) имеет глубокие корни в истории международно-правовой мысли. Первыми проявлениями ее являются идеи древней ближневосточной мифологии о том, что сначала боги создали мир из хаоса, упорядочив его, дав людям законы, и уже потом, в результате нарушения людьми этих законов, наступили войны и насилие, противные богам, за которые те наказывают людей. Эти идеи были развиты Августином Блаженным относительно наследственной ответственности всего человечества за грех, совершенный первыми людьми.

Мысли Дж. Мэра о взаимоотношениях церкви со светской властью В. Грабарь сравнивает с идеями легистов и канонистов, определяя его место «промежуточным между легистами, стоявшими на стороне светской власти, и защитниками церковных притязаний, канонистами» [45, 296].

Будучи исследователем истории права войны, В. Грабарь несколько большее внимание уделяет становлению взглядов на эту сферу в истории международно-правовой мысли, умаляя внимание к идеям в отношении права мира. Так же и в изложении мыслей Дж. Мэра он сосредотачивается на его взглядах относительно запрета «частных войн» («частному лицу разрешено обороняться, но воевать оно не может»), справедливой войны, требования к которой у него подобны концепции Фомы Аквинского («это война, начатая законной властью, на справедливой основе, с правдивым намерением, которая ведет ее с должной рассудительностью») [45, 297, 300, 301].

В целом вся работа является лишь изложением соображений Дж. Мэра, причем, некритическим, что не характерно для международно-правовых исследований В. Грабаря. Впрочем, это может объясняться и слабостью собственно международно-правовой позиции Дж. Мэра, которого нельзя назвать выдающимся автором в истории международно-правовой мысли. Его позиция интересует В. Грабаря скорее вследствие отсутствия в науке сведений об этом авторе. Наконец, иногда, хотя и не часто, В. Грабарь все же высказывал в тексте свое отношение к позициям Дж. Мэра. Так, излагая его требования к справедливой войне (а именно — правомерное лицо должно объявить правомерную войну), В. Грабарь отмечает: «Кажется, здесь пробел. Требование, касающееся лица (*persona*), касается и того лица, которое объявляет войну, и тех лиц, которые ее ведут, — участников войны. Эти требования выдвигают все богословы и канонисты Средневековья, писавшие о праве войны. Требование состоит в том, чтобы в войне участвовали одни лишь светские лица, которым разрешено проливать кровь» [45, 301–302]. В другом месте В. Грабарь видит пробел в рассуждениях Дж. Мэра о праве добычи; поскольку распределение имущества в результате войны осуществляется на основании обычного международного права, «Мэр не считает нужным останавливаться на таких сугубо человеческих законах» [45, 307].

Исследуя международно-правовые взгляды английских средневековых мыслителей [17, 54–61], В. Грабарь фактически впервые приводит анализ процесса становления английской школы международного права и ее особенностей.

О формировании национальной школы международного права можно говорить при наличии нескольких критериев:

- 1) соответствующих научно-педагогических центров (академий, университетов);
- 2) формирования доктрин и концепций, важных если не для мирового сообщества, то, по крайней мере, для отдельной страны;
- 3) последователей, развивающих идеи основоположников направления;
- 4) доктрин и концепций этой школы, которые отличаются единством взглядов, общностью, преемственностью принципов и методов.

Не называя их, но выведя все закономерности формирования итальянской (с XII в., т. е. деятельности школы глоссаторов) и английской средневековых школ международного права, В. Грабарь впервые на системной основе начал исследовать историю международно-правовой мысли по ее национальным школам.

Наиболее выдающимся исследователем английской международно-правовой школы В. Грабарь называл А. Джентили и сравнивал его идеи с идеями Г. Гроция [46, 13–25]. Что касается последнего, В. Грабарь выделял его построение системы международного права и значение концепций позитивного и природного права для толкования соответствующих международно-правовых институтов. Последовательно проводя в своих работах мысль о том, что Г. Гроций не был первым исследователем международного права (прежде всего, здесь он выделял деятельность А. Джентили до него), В. Грабарь все же отдает ему первенство в формулировке системы этого права: «До него авторы, например А. Джентили, писали трактат по отдельным частям этого права, не объединяя их в один комплекс, и, соответственно, вопрос о системе у них не возникал» [47, 481]. Впрочем, и в гроцианской системе (с ее делением на право войны и мира) В. Грабарь видит скорее недооценку закономерностей международного права: «Деление Г. Гроция было малопригодным даже для его времени, для нашего же оно выглядит чистым анахронизмом; не говоря уже о том, что война далеко не прекращает действие норм мирного времени, юридические нормы, регулирующие ее, составляют лишь незначительную часть всего объема международного права» [47, 482].

Высоко оценивая роль римского права в развитии международно-правовой мысли, В. Грабарь сосредоточился на ее европейских проявлениях, доведя исследования этой мысли до появления ее первых национальных школ — итальянской и английской, а также исследуя позитивно-правовые взгляды на это право в XIX в. В целом В. Грабарем было сделано много для развития истории международно-правовой мысли как отдельной области теории этого права. Это касается как непосредственно работ академика, которые развивали этот предмет, выделения наименее исследованных аспектов этой истории, так и предложенного им метода исследования истории международно-правовых взглядов.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Дурденевский В.* Владимир Грабарь (1865–1956) // Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). — М., 1958.
2. *Усталь А. Т. В. Э.* Грабарь в Тартуском университете // Правоведение. — Л., 1982.
3. *Грабарь В.* Мартенс // Энциклопедический словарь. — СПб., 1896. — Т. XVIIIа.
4. *Грабарь В. Э.* Первоначальное значение римского термина *jus gentium* // Ученые записки Тартуского государственного университета. — Тарту, 1964. — Вып. 148.

5. *Грабарь В. Э.* Первоначальное значение римского термина *jus gentium* // Антологія української юридичної думки / за заг. ред. В. Н. Денисова. — К., 2004. — Т. 8. Міжнародне право.
6. *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). — М., 2005. — С. XXXVI.
7. *Грабарь В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). — М., 1958.
8. *Mohl R.* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften. In Monographien Dargestellt. — 3 B. — U. Verlagsanstalt, 1960.
9. *Даневский В.* Очерк новейшей литературы по международному праву. — СПб., 1876.
10. *Macalister-Smith P., Schwietzke J.* Bibliography of the Textbooks and Comprehensive Treatises on Positive International Law of the 19th Century // Journal of the History of International Law. — 2001. — Vol. 3. — № 1.
11. *Батлер У. Э.* Владимир Эммануилович Грабарь (1865–1956). Библиографический очерк // Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). — М., 2005. — С. XL.
12. *Буткевич В. Г.* Система міжнародного права // Міжнародне право. Основи теорії : підруч. — К., 2002.
13. *Корецкий В. М.* Международное радиоправо // Сборник статей кафедры «Проблемы современного права» и правового факультета Харьковского института народного хозяйства. — X., 1928. — № 2.
14. *История воздушного права* : сб. — М., 1927.
15. *Грабарь В.* Начало равенства государств в современном международном праве. — СПб., 1912.
16. *Lorca A. B.* Sovereignty beyond the West : the End of classical International Law // Journal of the History of International Law. — Martinus Nijhoff Publishers, 2011. — № 1. — Vol. 13.
17. *Савчук К. О.* Міжнародно-правові погляди академіка В. Е. Грабаря : моногр. — К., 2003.
18. *Bederman D.* The Spirit of International Law. — Athens & London, 2002.
19. *Villey M.* Leçons d'histoire de la philosophie de droit. — Paris, 2002.
20. *Billier J.-C., Maryioli A.* Histoire de la philosophie de droit. — Paris, 2001.
21. *Мережко А. А.* История международно-правовых учений : учеб. пособие. — К., 2004.
22. *Koskenniemi M.* The History of International Law Today [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.helsinki.fi/eci/Publications/Koskenniemi/MHistory.pdf>
23. *Грабарь В. Э.* Римское право в истории международно-правовых учений. Элементы международно-правовых учений в трудах легистов XII—XIV вв. — Юрьев, 1901.
24. *Hrbar V. E.* Esquisse d'une histoire litteraire du droit international au moyen age du IV au XIII siècle // Revue du droit international. — Paris, 1936. — Vol. XVIII—XIX.
25. *Юркевич П.* Історія філософії права. Філософія права. Філософський щоденник. — К., 2000.
26. *Грабарь В. Э., Фабриков Э. М.* Краткий очерк истории кафедры международного права Московского университета // Ученые записки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Труды юридического факультета. — М., 1956. — Кн. восьмая.
27. *Грабарь В.* Право войны // Энциклопедический словарь. — СПб., 1908. — Т. XXIVa.
28. *Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И.* История международного права. — М., 1990.
29. *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. An Introduction to Legal and Moral Issues. — 2nd ed. — New Jersey, 1999.
30. *Hrbar V. E.* La Doctrine de droit international chez saint Augustin // Archives de Philosophie du droit et de Sociologie juridique. Cahier Double. Deuxieme Annee. — Paris. — 1932. — № 3–4.
31. *Patron Saint for the Internet, Isidore of Seville* [Электронный ресурс] // Сайт «Catholicism.org». — Режим доступа : <http://catholicism.org/patron-saint-for-the-internet-isidore-of-seville.html>
32. *Буткевич В.* Походження терміна «міжнародне право» // Український часопис міжнародного права. — 1994. — № 1.
33. *Christensen K.* Gratian. The Treatise on Laws (Decretum DD. 1–20) with the Ordinary Gloss // Studies in the Medieval and Early Modern Canon Law. — Washington D.C., 1993. — Vol. 2. — P. X.
34. *Corpus iuris canonici.* — Editio Lipsiensis secunda / post Aemilii Ludouici Richteri curas ad librorum manu scriptorum et editionis Romanae fidem recognouit et adnotatione critica instruxit Aemilius Friedberg. Pars prior. Decretum Magistri Gratiani. Ex officina Bernhardi Tauchnitz. Lipsiae MDCCCLXXIX. — Concordia Discordantium Canonum. Ac Primum. De iure naturae et constitutionis. (I.D.IX).
35. *Butler W. E. Grabar V. E.* Profile of a Russian International Legal Historian // Grabar V. E. The History of International Law in Russia (1647–1917). — Oxford, 1990.
36. *Savigny Fr. K. von.* Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. — In 7 Bänden. — Darmstadt, 1986.
37. *Sereni A. P.* The Italian Conception of International Law. — New York, 1943.
38. *Грабарь В.* Аккурсий // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. — СПб., 1890. — Т. I.
39. *Грабарь В.* Бартоло // Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. — СПб., 1891. — Т. III.

40. *Грабарь В. Э.* Вопросы международного права в юридических консультациях Балда. — Петроград, 1917.
41. *Международное право* / отв. ред. Г. И. Тункин. — М., 1994.
42. *Carlyle R. W., Carlyle A. J.* A History of Medieval Political Theory in the West. — Edinburgh ; London, 1950. — Vol. VI : Political Theory from 1300 to 1600.
43. *Nys E.* Introduction // The Classics of International Law / ed. by J. B. Scott. — Oxford, 1925.
44. *De Vittoria F.* De Indis et de Iure Belli Relectiones / ed. by E. Nys. — New York, 1964 (reprint of 1696 edition).
45. *Грабар В.* Питання державного й міжнародного права в Коментарях Джона Мера до Сентенцій Петра Ломбарда // Записки соціально-економічного відділу. — К., 1927. — Т. V–VI.
46. *Грабарь В. Э.* Гуго Гроций и Альберикс Джентили как представители двух направлений в науке международного права (Доклад к трехсотлетию со дня смерти Гуго Гроция) // Известия Академии наук СССР. — 1946. — № 1.
47. *Грабарь В. Э.* Из истории систематики международного права // Советский ежегодник международного права. — М., 1963.